

«САТИНСКИЙ ДОЛГ» ГЕРЦЕНУ

ПИСЬМО А. А. ГЕРЦЕНА к Н. Н. САТИНОЙ

Сообщение А. Н. Дубовикова

1

В материалах «пражской коллекции» сохранилась собственноручная копия письма Александра Александровича Герцена к Наталье Николаевне Сатиной, дочери Н. М. Сатина. Письмо это, датированное 3 октября 1882 г., содержит обстоятельное изложение сущности так называемого «сатинского долга». В переписке Герцена и Огарева, а также Н. А. Тучковой-Огаревой на протяжении многих лет встречаются упоминания об этом долге.

Однако до сих пор исследователи не располагали ясным и последовательным изложением этого дела, представляющего несомненный интерес для биографов Герцена и Огарева. Скупые данные, разбросанные в комментариях М. К. Лемке к Полному собранию сочинений Герцена, и отдельные факты, сообщаемые другими исследователями (например, Я. З. Черняком в его книге: «Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве». М.—Л., 1933, издание «Academia»), явно недостаточны. Публикуемое письмо А. А. Герцена, в котором он делал последнюю и, как оказалось, безрезультатную попытку добиться от наследников Сатина хотя бы частичной уплаты долга, помогает восполнить этот пробел и вносит значительную ясность в вопрос о «сатинском долге».

После неудачного исхода устных переговоров кн. А. А. Мещерского с Н. Н. Сатиной (о чем упоминается в начале письма), А. А. Герцен, предполагавший, что отрицательный ответ Сатиной Мещерскому вызван был ее неосведомленностью в существе дела, решил составить для нее «записку» с подробным изложением всего дела. Материал для этого он извлек из принадлежавшего частично ему и частично Н. А. Герцен (дочери) семейного архива: «...нашлось более *пятидесяти* писем <...>, из которых я и составляю настоящую записку». В действительности писем этих, надо думать, было больше, так как часть их Н. А. Тучкова-Огарева увезла с собой в Россию.

В основных публикациях переписки Герцена, Огарева и Тучковой-Огаревой нами выявлено более семидесяти писем, относящихся к «сатинскому долгу». Повидимому, до нас дошли не все материалы, использованные А. А. Герценом: отдельные цифры, приводимые им в письме к Н. Н. Сатиной, не находят подтверждения в источниках, имеющихся в нашем распоряжении.

Вместе с тем эти источники позволяют добавить к письму А. А. Герцена ряд дополнительных данных, относящихся, в частности, к истории возникновения «сатинского долга» и его состояния до отъезда Огарева за границу.

Как известно, долг Н. М. Сатина возник в 1849 г. в результате полуфиктивной продажи обширного пензенского имения Огарева, намеревавшегося тайно покинуть пределы России и опасавшегося конфискации правительством остававшегося за ним имущества. При этом одна деревня, входившая в состав имения, была «куплена» Сатиным самостоятельно, а главная часть — им же вместе с Н. Ф. Павловым, юридическим представителем которого выступал его тесть К. И. Ялиш. Основные документы — «купчие крепости», — которыми была оформлена «продажа», не сохранились. Некоторый свет на условия этой операции бросают показания арестованных в 1850 г. Сатина и Огарева по вопросам пунктам, предъявленным им Дубельтом (VI, 167—173). В частности, Огарев указывал, что имение в 1600 душ «было наскоро продано г-ну Н. Ф. Павлову и Сатину за 600 руб. асс. за душу» (VI, 173). Таким образом сумма «продажи» составила 960 000 руб. асс., или 275 000 руб. серебром.

Неизвестно, какая часть этой суммы была сразу же уплачена Огареву каждым из «покупщиков». Точно так же неясной до конца остается судьба части долга, лежавшей на Павлове. Лемке без указания источников сообщает, что большое имение, «купленное с Янишем, должно было быть откуплено у последнего к 1 июля 1850 г.; на 1 декабря 1849 г. Сатин был должен Янишу всего 12 000 руб. сер.» (VI, 170). Однако этому сообщению, из которого собственно следует, что долг Павлова—Яниша уже к 1850 г. фактически перешел к Сатину, противоречат данные писем Герцена, в которых вплоть до 1856 г. неизменно говорится об обоих должниках — Сатине и Павлове (VI, 156; VII, 20, 170—171, 181; VIII, 278, 281). Очевидно, именно в этом году расчеты с Павловым были покончены. Это подтверждается и письмом Огарева к Сатину, написанным в апреле 1856 г.: «Спасибо, саго тю, за письмо и за благополучное окончание дела с Н. Ф. <Павловым>» («Русские пропилеи», т. IV. М., 1917, стр. 155).

Сатин, таким образом, остался единственным ответчиком по долгу Огареву. Его долговое обязательство, оформленное тотчас же после совершения «сделки», а именно 24 июня 1849 г., в виде «духовного завещания», скрепленного подписями Н. Г. Фролова, В. А. Милютин и Т. Н. Грановского, было определено следующим образом: «По расчетам моим я состою должным коллежскому регистратору Николаю Платонову сыну Огареву *шестьдесят тысяч пятьсот сорок пять рублей шестьдесят четыре копейки серебром*, которые, по общему нашему согласию, положили мы уплачивать так: „Я, Сатин, обязался заплатить надворному советнику Александру Ивановичу Герцену или доверенному от него лицу, в счет должной ему господином Огаревым суммы *пятнадцать тысяч рублей серебром*, а остальные *сорок пять тысяч пятьсот сорок пять рублей шестьдесят четыре копейки серебром* заплатить самому господину Огареву в течение десяти лет, делая ежегодно уплату не менее *четыре тысяч пятисот рублей серебром* и платя на остающийся незаплаченным капитал по четыре на сто процентов”». (Полный текст «духовного завещания» Н. М. Сатина опубликован в «Русских пропилеях», т. IV. М., 1917, стр. 93—94).

Это «завещание», с приведенными в нем точными цифрами, и является основным документом, от которого надо вести историю «сатинского долга». Но прежде чем мы обратимся к изложению последующих этапов этой истории, необходимо отметить, что «духовное завещание» Сатина вводит в дело имя не только Огарева, но и Герцена, которому надлежало выплатить 15 000 руб. сер. в счет суммы, должной ему Огаревым. Когда же возник этот перешедший на Сатина долг Огарева Герцену и какова была его общая сумма?

Находящиеся в нашем распоряжении данные не позволяют ответить на этот вопрос с исчерпывающей ясностью. Названная в письме А. А. Герцена неопределенная дата («до своего отъезда за границу, около 1846 г.») документально не подтверждается. Просьба Огарева — ссудить ему 25 000 руб. сер. — содержится в его письме к Герцену от 1 ноября/20 октября 1847 г. Герцен немедленно отправил в Москву Г. И. Ключареву распоряжение о выплате Огареву названной суммы. В январе 1848 г. Огарев, получивший крупную сумму с рязанских крестьян, отказался от ссуды, но позднее возобновил свою просьбу (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 206, и т. 61, 1953, стр. 769, 774, 776, 778). 16/4 декабря 1848 г. он благодарил Герцена за присланные 25 000 руб.: «Я их получил, и все сделано по форме». Повидимому, этому предшествовала, а может быть, за этим последовала еще другая ссуда Огареву, увеличившая долг до 40 000 руб. Именно эту цифру, следуемую ему от Павлова и Сатина, назвал сам Герцен в «Акте завещания», составленном им в 1852 г. (VII, 122). А. А. Герцен в публикуемом письме называет несколько другую цифру — 120 000 фр., то есть около 35 000 руб. сер., добавляя, что по этой части капитала Сатина даже и процентов никогда не платили. В упомянутой выше книге Я. З. Черняка дважды — на стр. 81 и 127 — дается справка, что Герцен в конце 1848 г. одолжил Огареву на приобретение Тальской фабрики 45 000 руб. сер. Однако эта цифра не подтверждена у автора никакими документами.

Поведение Сатина, уклонявшегося от выплаты денег, следуемых Герцену, крайне возмущало последнего, тем более, что на сторону Сатина неожиданно стали Кетчер и другие московские друзья обоих. Сообщая М. К. Рейхель о пересылке ему Мельгуновым грубого письма Кетчера, которое привело его «в ярость», Герцен писал: «И отчего этот припадок? Дело чрезвычайно просто. Павлов и Сат<ин> купили имение и взяли на себя долг. Стало, у меня с Огаревым нет денежного дела, а с Павловым и Сат<инным>. Павлов — игрок, Сатин — игрок. Оба проигрывают, это мне говорил Сабуров» (VII, 181). Именно этим возмущением Герцена нужно объяснить, почему из всех долгов он внес в свое завещание только один долг Сатина. Сообщая Адольфу Рейхелю, которого он назначал единственным опекуном своих детей, о содержании завещания, Герцен добавлял: «Я поручаю вам только одно сложное дело — это получить долг от Сатина. Остальные долги мне безразличны. При жизни мне не платили, кой чорт захочет платить после моей смерти» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 349. Подлинник по-французски). Герцена возмущала неряшливость Сатина в денежных делах, отсутствие прочного сознания своей ответственности за взятые на себя обязательства. Всегда крайне нетерпимый к подобным проявлениям барской моральной распушенности, Герцен, как мы увидим ниже, чрезвычайно резко высказывался и по поводу неаккуратности Сатина в отношении собственно огаревской части долга.

3

Историю долга Сатина Огареву А. А. Герцен начинает с момента отъезда последнего за границу и определяет размеры долга к этому моменту в 63 000 руб., что составляет около 220 000 фр. Точно та же цифра, со ссылкой на Сатиных, указана в письме А. И. Герцена Огареву от 31 марта — 2 апреля 1869 г.: «От Сат<инных> письмо; в нем о твоих делах. Сат<и>на считает, что они тебе должны 63 000 руб., стало 220 000 фр.; могли же бы, стало, посылать almeno* 10 000, ну, наконец, 8» (XXI, 351—352). Отсюда

* по меньшей мере (итал.).

можно сделать вывод, что за 13 лет (1856—1869) сумма сатинского долга не изменилась, иначе говоря, что редкие и нерегулярные присылки денег Огареву шли в счет погашения процентов и не вели к уменьшению основной суммы долга.

Письма Герцена позволяют с точностью установить только пять случаев присылки Сатиным денег: 14 января 1866 г. он писал Н. А. Тучковой-Огаревой: «Что пишет Сат<ин>? Деньги пришли превосходно, т. е. ко времени. Я не продал амер<иканскую> бумажку и из 3200 отдал 500 Ог<ареву> не в счет и 2500 заплатил долга» (XVIII, 314); 21 апреля того же года в письме к сыну, сообщая о денежных трудностях и необходимости экономии, он писал: «Счастье еще, что Сат<ин> прислал Огар<еву> 4000 фр. и обещал еще привезти» (XVIII, 371); 26 мая 1868 г. он пишет Огареву о размене денег Сатина — 10 000 фр. (XX, 300); 17 марта 1869 г. в письме к нему же упоминает о присланных Сатиным 2550 фр. (XXI, 329); и, наконец, последнее — 29 сентября 1869 г. извещает Огарева: «Сатин прислал 1540 фр., из них подobaет Мишель* 400, остальные тебе и с примечанием Сат<ина>, что „еще пришлет“ (это во всяком письме, как твое обещание длинных посланий)» (XXI, 490).

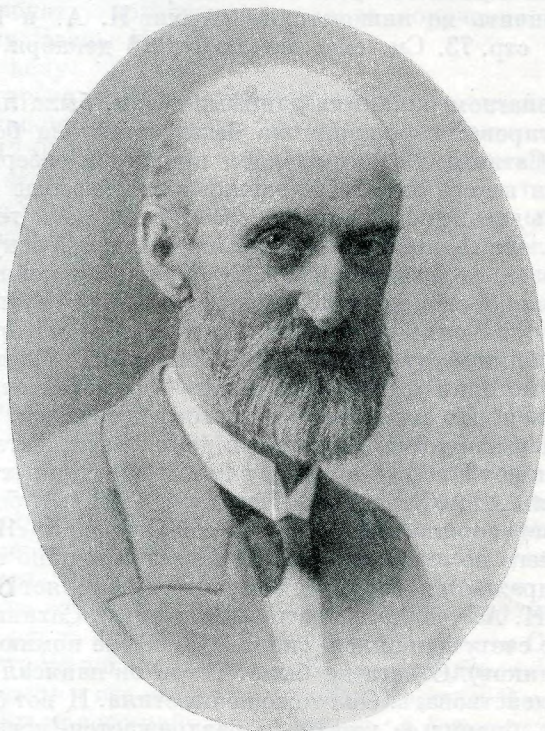
Этим редким и единичным сообщениям о присылке Сатиними денег противостоят гораздо более частые и многочисленные упреки по их адресу за задержку денег. Раздражение Герцена особенно усиливалось потому, что до него доходили достоверные известия, что Сатин живет на широкую ногу, проигрывает крупные суммы. Наибольшей степени это раздражение достигло осенью 1867 г., когда Огарев особенно нуждался в средствах, а Сатины упорно отмалчивались, не отвечая на запросы, передаваемые им через Н. А. Огареву.

9 октября 1867 г. Герцен написал резкую записку «Елене Алексеевне <Сатиной> или супругу ее»: «Зачем ты оставляешь О<гарева> совершенно без средств? Я пишу с его ведома и прошу тебя, как бы ни было трудно, выслать сейчас вексель в Ниццу. Я делаю все, что могу, но есть граница. О<гарев> болен. Еще раз говорю тебе — я требую этой высылки, да и впредь нельзя его так оставлять или надобно сказать, что не можешь посылать» (XX, 22). Эту записку Герцен переправил М. К. Рейхель и просил переслать ее через Юлию Богдановну Шумахер к Сатину. В сопроводительном письме он писал: «Они оставляют Огарева в страшном положении, в то же время мы слышим от Лиона и других, что С<атин> играет и пьет; я ужасно сержусь за это и прошу непременно доставить» (XX, 22). При записке Герцена сохранился лоскуток бумаги, на котором рукой Огарева написано: «16 октября. Признаюсь, что мне ужасно трудно. Не могу же я жить на антон<иевой> пище, ни грабить человека, которому и без меня расходов много, и грабить его в то время, когда, по всей справедливости, я имею получить мне следуемое» («Голос минувшего», 1913, № 7, стр. 198. — Опубликовано М. Гершензоном). Герцен позднее испытывал чувство неловкости из-за резкого тона записки от 9 октября, но вместе с тем не раскаивался в ее отсылке. 29 декабря 1867 г. он писал Огареву о Сатине: «Мне ужасно больно, что я его обидел запиской. Но, с другой стороны, всё же и Йемч<ужников> говорит, что он проигрывал суммы, а поэтому стегнуть надобно было <...> А ведь денег-то и не посылают всё же. Я верю в его любовь, в его дружбу, но, Огарев, отчего же ни на одного русского положиться нельзя и отчего слово „долг“, „обязанность“ только тогда существует, когда есть возле палка?» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 409).

* Каролина Мишель (m-elle Michel) — француженка, бывшая гувернанткой в доме Тучковых. При ее отъезде из России во Францию ей не были выплачены следуемые по условию деньги; погашение этого долга лежало на обязанности Сатина.

Л Огарев, с его мягкой, уступчивой натурой, не обнаруживал в отношении Сатина необходимой по мнению Герцена твердости и настойчивости. И Герцен из письма в письмо повторяет: «У тебя что-то много русских <...>; пиши с каждым С<атину> — десять, двадцать записок»; «...от Сатиных письмо, видно, что денег нет, он поехал что-то закладывать, — ergo пиши и пиши» (письма от 29 и 31 октября 1867 г. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 401—402).

К этому же времени (осень 1867 г.) относятся письма Огарева к Герцену, в которых он уже с явным недовольством пишет о Сатиных: «О С<атине> говорят (ох!), что будто он пьет, а Ел<ена> совершенно аристократка-

А. А. ГЕРЦЕН
Фотография 1905 г.
«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

помещица, но что именье в блестящем положении, и если я не удовлетворен, то вина их» (23 сентября 1867 г.; «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 474).

Тогда же, очевидно, состоялась и та новая договоренность между Герценом и Огаревым, о которой пишет в публикуемом письме А. А. Герцен и которая заключалась в том, что Огарев взамен получаемого им ежегодно содержания в 6000 фр. передавал Герцену все права на капитал, числившийся за Сатиным. Во всяком случае, излагая в письме к сыну от 26 декабря 1867 г. свое «нравственное завещание», Герцен включил в него и распоряжение о «сатинском долге» Огареву: «... Помни все мои инструкции и прошу тебя и Тату вперед знать, что если бы я умер, Лизе выделить четвертую часть. Если же Сат<ин> уплатит весь <огаревский> долг, то и он должен быть разделен также на четыре, — так и Огареву я передал.

Мне не нужно говорить, что пока Огарев жив, ваша святая обязанность дополнять ему, чего Сатин не вышлет; меньше 6000 фр. он не может иметь в год» (XX, 123).

После смерти Герцена Огарев, болезненно переживавший свою материальную зависимость от детей Герцена, продолжал еще надеяться на получение денег от Сатина. Об этом, в частности, свидетельствует его полное отчаяния письмо к Сатину, относящееся к началу 1870 г.: «Одно прошу колени преклоненно: высылай мне должные ренты или вышли пол или четверть капитала, и на этом покончим. Мне приходится содержать трех, четырех, иногда и пятерых человек. Я не об одном себе хлопочу. Умоляю тебя, устрой так, чтобы я был независим. Для меня теперь это главное, чтобы можно было жизнь кончить не нищенствуя» («Архив Н. А. и Н. П. Огаревых», М. — Л., 1930, стр. 73. См. еще письмо от 16 декабря 1870 г., там же стр. 83—84).

Мы не располагаем никакими данными о том, была ли удовлетворена эта просьба Огарева: вероятно, она была оставлена без внимания, тем более, что дела Сатиных к этому времени пришли в совершенное расстройство, а сам Сатин вскоре умер. Наследники же его вообще не были склонны признавать столь давние обязательства своего отца, да к тому же обязательства, не оформленные никаким законным денежным документом.

Из всего сказанного следует, что А. А. Герцен в своем письме к Н. Н. Сатиной достаточно объективно и обоснованно изложил суть дела, и это придает его письму значение достоверного документа, который должен быть учтен при создании будущей научной биографии Герцена и Огарева.

Финал всей истории «сатинского долга» в бумагах «пражской коллекции» не отразился. Но мы знаем из другого источника, что ответа А. А. Герцен от Н. Н. Сатиной не получил, и долг ее отца остался невыплаченным. Об этом пишет Е. С. Некрасова в своих неизданных «Путевых заметках» о посещении А. А. Герцена в Лозанне в 1893 г. В беседе с ней Н. А. Герцен (Тата) заговорила о Н. А. Тучковой-Огаревой: «Я против Натальи Алексеевны ничего не имею, но брат не может спокойно говорить о ней — он ужасно раздражается, сердится и очень ее обвиняет <...> После смерти папаша, когда Н. А. уехала в Россию, брат писал Сатиным об этом долге, который по его счету равнялся около 300 000 (не помню, что она сказала, рублей или франков). Ответа не было. Тогда он написал Н. А. Огаревой, просил ее посодействовать. Она тоже не ответила. И вот брат ей этого простить не может, бранит ее ужасно и раздражается, когда говорит о ней» (Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, фонд Е. С. Некрасовой; Некр. XI. 11/4).

Письмо А. А. Герцена печатается по его собственноручной копии, хранящейся в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 325а).

Montalegne. Lausanne
3 октября 1882 г.

Любезная Наталья Николаевна,

Собираюсь написать вам длинное и подробное письмо о том деле, о котором князь Мещерский¹, по нашему поручению, разговаривал с вами. Из рассказа Мещерского я понял, что вы, в сущности, об этом деле ничего положительного не знаете, и решил составить для вас полную записку, чтобы вы раз навсегда знали, в чем дело. Ваше незнание дела извиняет ваше странное требование доказательств и документов, как будто вы считаете нас людьми, способными на целый ряд бесчестных поступков и несправедливых требований. Как бы то ни было, в доказательствах и документах недостатка нет, и я вам не писал прежде только потому, что бумаги Огарева были у моей сестры Наташи, в то время как бумаги нашего отца

были у меня; теперь Наташа привезла их сюда и мы вместе все еще раз просмотрели; нашлось более *пятидесяти* писем (особенно Герцена, Огарева и Наталии Алексеевны), из которых я и составляю настоящую записку. Все это имеет только нравственное значение, ибо мы в России, вероятно, не имеем никаких юридических прав, так что все это дело не может быть судимо перед никаким судом, кроме суда совести, чести и взаимного доверья и уваженья; поэтому-то мы и продолжаем напоминать вам о вашем долге, не считая нравственно возможным с нашей стороны подарить вам его, а с вашей принять подобный подарок. Впрочем, если вы нам не верите и если даже свидетельство Мещерского вам кажется сомнительным, то я готов показать бумаги, на которых осную настоящую записку, *кому вам угодно*, даже любому адвокату, которому вы дадите поручение их разобрать. Всего лучше мужу Елены Николаевны².

Приступаю к делу.

При отъезде Огарева из России ваши родители должны были ему 63 000 руб., т. е. по тогдашнему курсу около 220 000 фр., и обещали посылать ему по крайней мере 12 000 фр. в год, а кроме того мало-помалу уплачивать и капитал. Вместо этого они с самого начала стали присылать только изредка незначительные суммы — от двух до трех тысяч франков; вследствие этого наш отец предложил Огареву выплачивать ему 10 000 фр. в год, для того, чтобы у него, с неправильными присылками ваших родителей, все-таки было, по крайней мере, 12 000 фр. годового дохода. Огарев принял, в надежде, что Сатины скоро станут посылать больше и правильнее; но так как это не сбылось, то в конце второго года наш отец стал давать Огареву только 8000 фр. в год, а Огарев обещал за это уступить ему весь сатинский долг; таким образом это и продолжалось от 1858 до 1868 г.; в продолжение этих десяти лет (не знаю именно когда) ваши родители раз прислали 6000 фр., а потом несколько лет совсем перестали посылать; их дела шли тогда так дурно, что они не могли присылать даже маленькой пенсии, назначенной M-elle Michel. Потеряв надежду получать от них хоть часть обещанных денег, Огарев и Герцен окончательно условились так: Герцен будет платить Огареву 6000 фр. в год, а Огарев уступает ему за это соответствующую часть капитала, по 5%, т. е. *120 000 фр.* или, по тогдашнему курсу, около *40 000 руб.* С тех пор и до смерти Огарева — так и было. Огарев часто жаловался, что ему 6 тысяч не довольно; но Герцен не хотел давать больше и все настаивал, чтобы Огарев и Наталья Алексеевна старались добиться чего-нибудь от Сатиных; в редких случаях, когда им это удавалось, то незначительные присылки ваших родителей шли не в уменьшение суммы, уплачиваемой нашим отцом за них, а в прибавку в пользу Огарева. Все это доказано самым положительным образом всей перепискою нашего отца, Огарева и Наталии Алексеевны, особенно же письмом последней, писанным, когда ее память была еще свежа, вскоре после кончины нашего отца, к знаменитому натуралисту профессору Карлу Фогту, который в своем качестве духовного приказчика Герцена хотел начать против вас юридические действия и собирал сведения о вашем долге, о котором одна Наталья Алексеевна и могла их доставить. Впоследствии, когда она вообразила себе, что Огарев сделал духовное завещание в пользу англичанки Mary Sutherland, она снова писала Фогту об этом деле и выразилась так (в 1874 г.):

«Ayant appris que l'Anglaise a profité de l'affaiblissement des facultés d'Ogareff, et lui a fait signer un testament, — *l'honneur m'oblige de vous prier de m'envoyer une lettre pour Mademoiselle Natalie Satine, tutrice de toute la famille... pour lui dire que du vivant de Herzen, Ogareff considérait sa fortune comme appartenant à Herzen, — à cause de la dette Satine, dont les intérêts auraient fait une somme trop forte, et de la pension qu'il recevait, de 8000 frs. durant la vie de Herzen, — au moins*

80 000 frs. et cinq ans à 6000 frs.—30 000 frs... Il est impossible d'admettre qu'an lieu de payer la famille Herzen, les Satine acceptent le testament d'un homme qui n'est plus en état de se souvenir de ses engagements antérieurs...»*

Вероятно, *тогда* Наталья Алексеевна писала и вам в том же смысле, и вы наверняка найдете то же самое в ее тогдашних письмах.

Итак, до смерти нашего отца все ясно, и сомнений никаких нету. Вы до его смерти, *не говоря о капитале*, были нам должны:

1. Деньги, уплаченные им Огареву за Сатина в продолжение двух лет по 10 000 фр. (1856—1858)—20 000 фр.
 2. В продолжение десяти лет по 8000 (1859—1868)—80 000 фр.
 3. В продолжение двух лет по 6000 (1868—1870)—12 000 фр.
- Всего... 112 000 фр.

Вторая фаза этого дела начинается с кончины нашего отца. Его законное завещание было от 1851 г., и в нем об *этом* деле не могло быть упомянуто; упомянуто в нем о *другом* деле, о котором прибавлю два слова в конце этой записки; другого законного завещания не нашлось, но мы по разговорам и по письмам, в которых он иногда выражал свои желанья, очень хорошо знали их и знали, что главные пункты были следующие: 1-е — чтобы мы разделили наследство поровну; 2-е — чтобы мы дали Лизе равную долю; 3-е — чтобы мы продолжали выдавать Огареву 6000 фр. в год, до его смерти, имея в виду, что когда дела Сатиных поправятся, они нам выдадут капитал и проценты, никогда ими не уплаченные. Мы все это точно исполнили, как доказывают все документы по разделу наследства, вся деловая переписка и счетные книги. После официального раздела, по законному завещанию, по которому мне приходилась половина наследства, Наташе и Ольге — каждой четверть (о Лизе, разумеется, не было речи), мы, вступив в полное владение своими уделами, сделали между собой раздел, соответствующий *нравственному* завещанию отца: наследство было разделено на четыре равных части, одну из которых получила Лиза, каждый из нас обязался платить Огареву по 1500 фр. в год, т. е. все вместе 6000 фр. Эта рента посылалась ему без малейшей остановки до его смерти, ежемесячными чеками по 500 фр., что опять-таки доказано всей нашей перепиской с Огаревым и, кроме того, счетами профессора Шиффа, заведовавшего состоянием Наташи и Лизы, счетами мужа Ольги, профессора Моно, и наконец, печальной необходимостью, в которой я решился в 1874 г. прекратить свое участие в ренте Огарева. Семья моя росла, у меня тогда было уже шесть человек детей, и я был так жестоко обманут в покупке имения, что эта покупка меня почти совсем разорила; словом, я не мог больше посылать своей доли Огареву и написал об этом сестрам. Наталья Алексеевна, зная, как Огарев жил бедно, и подозревая, что англичанка откладывает часть денег для себя, предложила, чтобы Наташа, Ольга и Лиза посылали ему попрежнему по 1500 фр., не добавляя моей доли, и Огареву было написано, что он станет получать меньше³; он, бедняжка, не понял и огорчился; а англичанка Магу взбесилась и сумела возбудить его против нас; тогда-то именно Наталья Алексеевна и написала вышеупомянутое письмо к профессору Фогту. Профессор Шифф написал Огареву

* «Я узнала, что англичанка воспользовалась ослаблением умственных способностей Огарева и заставила его подписать завещание. *Честь обязывает меня* просить вас прислать мне письмо для госпожи Натальи Сатинской, опекуниши всей семьи (<...>), чтобы сказать ей, что при жизни Герцена Огарев рассматривал свое состояние как принадлежащее Герцену — вследствие долга Сатина, проценты по которому должны были составить очень большую сумму, и вследствие пенсии в 8000 фр., которую он получал при жизни Герцена, что составило по меньшей мере 80 000 фр., и в течение пяти лет по 6000 фр.—30 000 фр. Невозможно допустить, чтобы Сатины, вместо того, чтобы заплатить семье Герцена, признали бы завещание человека, который не в состоянии больше помнить свои предшествующие обязательства...».

объяснительное письмо, и вы из следующего отрывка увидите, как мы и друзья наши относились к этому делу: «Chargé du partage de l'héritage Herzen, je crus agir dans le sens de Herzen en faisant considérer votre rente *mensuelle* de 500 fr. comme un legs de Herzen»* и объясняет ему, что ежели он этот раз получил 400 фр. вместо 500, то в этом не виноваты мои сестры, а я один и т. д. <...>

И я с своей стороны написал Огареву объяснительное письмо, которое посылаю вам, чтоб вы видели, до какой степени мы с вами поступали деликатно, давая Огареву думать, что он получает деньги не от нас, а от вас! Прошу вас письмо это *немедленно* отослать мне назад, вместе с вашим ответом, в страховом письме.

Видя, что Огареву будет очень жутко жить с 4500 фр. годового дохода, мои сестры, Наташа, Ольга и Лиза, решились посылать ему по 2000 фр. каждая, так что он все-таки продолжал получать 6000 фр. После смерти Лизы, мы ее наследство, которого Наталья Алексеевна ни за что не хотела принять, опять разделили поровну между собою, и Наташа, зная мои условия, взяла на себя посылать Огареву 4000 в год, в то время как Ольга посылала 2000. Итак, Огарев до смерти получал ежегодно 6000 фр.; стало, кроме прежней суммы вы нам должны еще:

За семь лет (1870—1877) по 6000 в год	42 000,
что с прежней суммой	112 000
составляет всего	154 000 фр.

Наконец, третья фаза этого дела начинается с кончины Николая Платоновича. Духовного завещанья, которого боялась Наталья Алексеевна, не существует; он оставил только записку, в которой говорит, что *оставляет все детям* (что для него значило детям Герцена и Наталье Алексеевне, ибо он считал свое состояние уже принадлежавшим нам, как ясно выходит из письма Натальи Алексеевны к Фогту) и выражает желание, чтобы Магу не была в бедности и получала бы хоть 2000 фр. в год. Мы и это исполнили, и она до сих пор получает эту ренту и будет получать до конца. Но оставим это в стороне; мы сочли своим долгом исполнить это *нравственное завещание* Огарева; если вы на это смотрите иначе, так не станем больше говорить об этом, несмотря на то, что вы одни пользуетесь его наследством.

Теперь два слова о «другом деле», упомянутом в законном завещании нашего отца. Он до своего отъезда за границу, около 1846 г., дал Николаю Платоновичу взаймы 120 000 фр., которыми Огарев выкупил отчасти заложенное имение, то самое, которое он передал потом нашим родителям. Вместе с имением на последних перешел и долг, так что они и без наших платежей за них Николаю Платоновичу *уже во время его отъезда из России*, были нам должны эту часть капитала, за которую они даже и процентов никогда не платили.

Вот в чем состоит «сатинский долг», о котором идет речь в законном завещании нашего отца и по поводу которого духовные приказчики имели право начать против вас юридическое следствие. После отъезда Огарева из России к этому прибавилось, как я вам уже объяснил, еще 120 000 фр. капитала, уступленных Огаревым за годовую пенсию 6-ти тысяч, и таким образом *весь ваш огаревский долг сделался нашим*; вот почему Наталья Алексеевна и могла писать Фогту, что Николай Платонович уже давно смотрел на все свое состояние как принадлежащее нам.

Из всего этого выходит, что, кроме денег, выплаченных Герценами за Сатиных в продолжение последних 25 лет, вы нам должны еще

* «Осуществляя надзор за разделом наследства Герцена, я предполагал действовать в духе Герцена, рассматривая вашу ренту в 500 фр. ежемесячно как завещательное распоряжение Герцена».

значительную сумму *капитала*. Вы, не кривя совестью, от этого долга отказать не можете.

Ежели ваши дела не позволяют вам теперь уплатить всего, скажите это просто и откровенно; ведь мы от вас ожидаем прежде всего честного образа действий; напишите же по совести, на что вы решаетесь, предложите сделку, которая бы, с одной стороны, вас не разорила да и не обесчестила, а с другой стороны, и нас удовлетворила бы. Мы все от души желаем дружеской сделки и надеемся, что она скоро сбудется.

Обдумайте все это очень серьезно; ожидаю с нетерпением вашего ответа; желаю, чтобы ваш ответ был подписан *вами всеми*, представителями семьи и совести Сатиных.

Дружески кланяюсь вам и вашим

А. А. Герцен

Адресуйте письма: A M^r le Docteur Resordon. № 3, Rue des Terreaux. Lausanne. Suisse.

Р. С. На мое вложенное письмо Огарев мне отвечал: «Да, друг мой Саша, мне слишком очевидно, что без вашей помощи я давно бы пропал!..

Да скажи мне, кто же это так устроил, что я из России ничего не получаю?»

Я свое имение не промотал, а оставил сестре Натальи Алексеевны имение, которое приносит 36 или 40 тысяч фр. дохода, — оставил его для того чтобы с Натальей Алексеевной уехать в Лондон...».

В других письмах он говорит, что «не может отказаться от своего полного права на свою собственность» и ищет возобновить сношения с Россией, — «где найдутся люди, которые сильно примутся работать в его пользу» и т. п. Я думаю, что людей, знающих все это дело, и теперь в России нашлось бы немало; вы легко могли бы справиться, и я могу, коли вы желаете; всего проще, на первый случай, порядком разобрать бумагу, в силу которой огаревское имение перешло в руки ваших родителей.

На днях у нас был старый интимный приятель нашего отпа и Огарева и рассказывал, что Огарев, читая при нем мое письмо, заплакал и сказал: «И подумать, что я Сатиным оставил миллионное состояние и что они мне ни копейки не присылают!».

А. А. Герцен

П.З. Прошу вас не терять этой записки. Я у себя оставляю три копии: одну для себя и одну для каждой из моих сестер.

Александрович
 1 Александр ~~Николаевич~~ Мещерский жил в Швейцарии и был близко знаком с Герценом и его семьей. Во время своих поездок в Россию он выполнял и другие поручения детей Герцена: посещал в Москве Т. А. Астракову, Е. И. Герцена. Об этом свидетельствует письмо Астраковой к Н. А. Тучковой-Огаревой от 7 декабря 1886 г., находящееся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Г.—О. IX. 23, № 10). Рассказ Мещерского о посещении им Сатиных передает с его слов Е. С. Некрасова в названных выше воспоминаниях.

² Елена Николаевна — Е. Н. Сатина, младшая сестра адресатки.

³ Н. А. Герцен настойчиво уверяла Огарева, что к сокращению его пенсии Н.А.Тучкова-Огарева отношения не имела. В связи с прямым указанием А.А.Герцена на то, что предложение исходило именно от нее, приходится признать, что Н. А. Герцен сознательно скрывала от Огарева истинное положение вещей и старалась приглушить подозрения, возникшие у Огарева, не желая еще большего обострения отношений между ним и его бывшей женой (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 195; письмо от 2 февраля 1874 г.).